

- развитие умения адаптироваться к действительности;
- умение общаться, сотрудничать с людьми в различных видах деятельности.

Метод проектов тогда называли еще и методом проблем. Проблема, для решения которой необходимо было приложить знания или приобрести новые, была взята из реальной жизни, была значимой для ученика. Самостоятельная работа над разрешением проблемы, получение конкретного результата и его публичное предъявление носили характер проектной деятельности.

В настоящее время метод проектов вновь приобрел довольно широкую популярность. Неслучайно в базисной учебный план внесена новая строчка о проектной деятельности, а один из параметров нового качества образования – способность проектировать.

ПАНИН С. Б.

«РУССКАЯ ИДЕЯ»: ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Современная Россия, как и в прошедшие времена, снова вынуждена определяться: она является Востоком или Западом? Правда, Российская Империя до 1917 г. также испытывала трудности определения своего места в Европе. Достаточно вспомнить Н. Я. Данилевского (XIX в.), который писал о том, что Россия – это не Европа, ибо сложилась как иной культурно-исторический тип общества, создававшийся на иных культурных основах, чем европейский или германо-романский [5, с. 17].

В XIX в., когда российское общество стало остро испытывать потребности в осознании своего места и роли среди других, особенно европейских, стран и народов, сформировалась «Русская идея», призванная философски осмыслить его природу, особенности путей его развития. У всех больших, крупных народов есть нечто подобное: есть германский идеал, американская мечта и т. д. Эти философско-политические концепции всегда были для больших народов попыткой осмысления их места в истории. Но следует заметить, что они формировались, прежде всего, у тех народов, которые испытывали некоторые трудности своего роста, трудности отношений с соседями и при этом догадывались о своем значении, своей особости. Весьма логичной, видимо, будет

мысль о том, что национальные идеи – это лишь элементы взросления нации (подчеркнем, что этот термин используется здесь в современном, западном значении этого слова, характеризуя нацию как культурную, а не этническую общность), свидетельствующие о том, что она еще не встала прочно на ноги, не достигла стадии взрослости.

О незавершенности русской национальной идеи свидетельствует и то, что она представлена в трех основных направлениях: западничество, славянофильство и евразийство, каждое из которых имело в разные периоды нашего развития свое значение, но так и не стало ведущим. Подобных разделений, метаний в разные стороны западные национальные идеи, кажется, не испытывали, что и подчеркивает Л. Гумилёв, определяя Западную Европу как романо-германскую целостность [4, с. 56].

XIX век был периодом реального обретения российской нацией своего «я», периодом формирования значимой российской культуры, к которой западный мир не остался равнодушным, периодом появления черт духовной крепости. В свою очередь, XX век со всеми его прорывами в культуре и технике, как в дореволюционную эпоху, так и в советский период, оказался наиболее сложным для прежней российской государственности и привел ее к разладу и распаду. Территориально-административное разделение, осуществленное большевиками на территории бывшей империи по этническому принципу и первоначально направленное против царского монополизма, рано или поздно должно было ударить по самой советской системе. Для того чтобы бывший СССР мог трансформироваться в федерацию или даже конфедерацию, были нужны иные социально-экономические и политические условия. Усиление национальных элит и вкус к собственной власти привели к распаду некогда единого государства. Это судьба всех империй, не способных трансформироваться вовремя. Но гибель империй всегда очень болезненно сказывается на этносах, которые их сплачивают. Следует подчеркнуть, что русские как этнос оказались на сегодняшний день самым разделенным народом: миллионы русского и так называемого русскоязычного населения бывшей единой страны живут вне России. Если прежде самым разделенным народом считался курдский, то теперь в количественном отношении он уступил это место русскоязычному населению.

В народе идеи об исключительности этой земли стали формироваться еще со времен Киевской Руси и укрепились в период Московского царства, когда стала активно культивироваться мысль о том, что не иные европейские столицы, а именно Москва является столицей «третьего Рима», прямой наследницей прежних великих империй – античного Рима и Константинополя (Византии).

Хотя систематизированное философское обоснование «Русской идеи» было сделано историком и философом В. Соловьёвым во второй половине XIX в., два ее основных направления – западничество и славянофильство – заявили о себе еще в первой половине века. Своеобразный старт им был дан министром просвещения в правительстве императора Николая I графом С. Уваровым, который в январе 1834 г. в первом номере нового «Журнала Министерства народного просвещения» публично объявил доктрину, основанную на трех важнейших компонентах: православии–самодержавии–народности, и которая была, по сути, как считает исследователь А. М. Песков, отражением противопоставления «двух моделей культуры (цивилизации) – русской и западной» [6, с. 21–22].

Противопоставлением уваровской программе стали «Философические письма» П. Чаадаева, которые символизировали собой оформление русского западничества, первые ростки которого следует, безусловно, вести от эпохи Петра I. Первое и единственное из «Философических писем», до этого распространявшихся в списках, было опубликовано в русском переводе с французского в октябре 1836 г., в журнале «Телескоп», вызвав бурную реакцию в российском обществе. Чаадаев осмелился выразить глубокий пессимизм в отношении исторических перспектив России, если она не присоединится к западной цивилизации. Он писал о своеобразном негативном мессианизме России, призванной, по его мнению, показать миру, как нельзя жить [8, с. 15–34]. В этом он видел ее историческую роль. Известно, что реакция общества, столицы, двора на этот первый опыт русской историософии была резкой и отрицательной. После этого письма, ставшего для его автора, по выражению Р. С. Черепановой, «роковым» [10, с. 103], о нем заговорили как о сумасшедшем, а само сочинение оказалось под запретом. В 1837 г., несмотря на запреты, распространилась «Апология сумасшедшего» Чаадаева, которая являлась ответом автора на реакцию общества, вызванную первой публикацией.

Это сочинение в целом придерживалось прежней острой критической позиции, но признало факты преувеличения в «обвинительном акте, предъявленном великому народу...» [9, с. 152].

По сути, начиная с писем Чаадаева (кроме «Апологии сумасшедшего», в списках известны восемь писем), западники выступили как противники и критики «Русской идеи» в смысле ее особенности, изыскания особого пути развития государства, считая, что Россия должна пересмотреть и преодолеть свою излишнюю самобытность и приобщиться к европейской цивилизации, от которой она всегда находилась на определенной дистанции, заявляя о себе как о европейской стране. Эти идеи повторялись как при первых западниках (И. С. Тургенев, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьёв, К. Д. Кавелин), так и при последних ярких представителях (Е. Т. Гайдар, А. Чубайс и др.).

Ответ на сложный вопрос, почему все же западничество, как в дореволюционной, так и в современной России, несмотря на все разговоры о ней как законной части Европы, до сих пор не утвердилось, на наш взгляд, наиболее точно выразил представитель евразийства Николай Алексеев, считавший, что русское западничество всегда выражалось не в реальном использовании достижений западной культуры, а сводилось лишь «...к теоретическому и практическому отрицанию особого мира собственной культуры во имя культуры западной» [1, с. 120]. К тому же западничество всегда пыталось воздействовать только на верхние сферы российского общества, фактически игнорируя какие-либо, даже осторожные, воздействия на сам народ. Поэтому Ф. Достоевский, излагая позицию западников в отношении русского народа, выразил ее так: все они в народе русском видели до сих пор лишь «косную массу», «тормозящую развитие России к прогрессивному лучшему», «которую всю надо пересоздать и переделать, если уж невозможно и нельзя органически, то, по крайней мере, механически, то есть попросту заставить ее раз навсегда нас слушаться во веки веков» (цит. по: [1, с. 140]). И следует подчеркнуть, что наиболее точно и полно эти стремления выразили большевики, которые, опираясь на идеи западной теории, пытаясь ее приспособить к условиям российской жизни, поломали многие основы российской культуры.

Первое поколение русских славянофилов было представлено А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, К. С. Аксаковым, Ю. Ф. Са-

мариним. Специфика их становления как славянофилов заключалась в том, что почти все они начинали с прозападных позиций, постепенно вырабатывая иной взгляд, с одной стороны, в латентной полемике с идеологической программой С. С. Уварова, а, с другой, критикуя постулаты немецкой философии, хотя в молодости все были адептами Гегеля [6, с. 41]. Славянофилы, как известно, пришли к утверждению особого пути России во всемирной истории. Суть русского народа виделась им в сохранении своей народности (своей идеи), заключающейся в православной вере и в любви к царю [6, с. 65]. Они подчеркивали необходимость сохранения главных элементов российской непохожести на Запад – крестьянской общины, самодержавия и православия.

В начале XX в. «Русскую идею» в славянофильском варианте продолжили В. Иванов, С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Розанов, Л. Карсавин, Е. Трубецкой, П. Флоренский и др. Однако революционный переворот 1917 г. многим из них показался концом «Русской идеи». Н. Бердяев увидел в «русском коммунизме» трагизм «Русской идеи», осуществление идей Чаадаева, но придал этому трагизму божественную предопределенность: Россия призвана через это пройти. Славянофилы до этих событий излишне романтизировали российскую действительность, не хотели видеть в ней явные противоречия и острые конфликты.

В постсоветский период в острую конфронтацию с пытающимся усилиться рациональным индивидуализмом вступили основополагающие в славянофильстве идеи коллективизма. Одной из главных задач идеологического воздействия Запада (и западничества) стало именно развенчание прежних коллективистских настроений в обществе, особенно среди молодежи. Однако, как справедливо, на наш взгляд, отмечают исследовавшие эту тему Айзатулин Т. А., Кара-Мурза С. Г. и Тугаринов И. А., ожидаемой «атомизации» в России за последние годы, в том числе и за 75-летний советский период, не произошло, процент людей, приверженных этому явлению, остался прежним, лишь немного укрупнившись. «Человек продолжает ощущать себя частью солидарных структур того или иного типа.... И важнейшей для большинства населения России категорией (отвергаемой в либеральной социальной философии) является народ» [3, с. 29], – пишут данные авторы. Таким образом, важнейшая черта, которая всегда поддерживалась славянофильством, – коллективизм в противовес

открытому индивидуализму, сложившийся под влиянием долгого существования в России крестьянской общины и усиленный затем колхозной системой, реально доминирует в обществе. Характерным подтверждением этой тенденции будет и тот факт, что в конце XIX – начале XX вв., после отмены крепостного права, крестьянин из общины уходить не хотел, и потребовались многолетние и многоэтапные воздействия власти, чтобы принудить его к этому. В частности, значительная часть реформ П. Столыпина была направлена именно на это.

Другая важнейшая особенность нашего развития, тесно связанная с первой, заключается в том, что если «западная история следовала принципу интенсификации, мы же шли путем экстенсивным» [2, с. 73]. Географический фактор – огромные пространства привели к тому, что человек, живущий на этой земле, меньше думал об интенсивном использовании самой земли, власти и аппарата государства. В итоге, человек в России редко шел на реальное усовершенствование государства, а «уходил от него в степь и в леса». «Государство настигало ушедших – они опять уходили дальше. Так и протекал процесс колонизации», – писал евразиец Н. Алексеев [2, с. 74]. Эти процессы лишней раз свидетельствуют о том, что Россия развивается не по общим европейским лекалам и критериям, что в отношениях России с Европой и сегодня продолжают оставаться противоречия, взаимное отчуждение и непонимание.

Новые славянские государства Украина и Беларусь, образовавшиеся в результате распада СССР, сегодня переживают самый сложный период самоопределения, и в них снова заметные роли играют «западники», «славянофилы» и «евразийцы». Устремленность населения этих стран к развитому Западу вполне понятна, однако позиция Европы двойственна, чувствуется идеологическая и тактическая заинтересованность в этих государствах как во вновь появившемся средстве воздействия на Россию. И тенденции укрепления современного западничества в Украине и Беларуси в первую очередь направлены на безусловное ослабление российского влияния.

Уже в работе Данилевского была высказана идея, осуществление которой становится в новых исторических условиях не только возможным, но закономерным и необходимым. Речь идет об идее Всеславянского союза, которая напрямую затрагивает во-

просы «Русской идеи». Вопрос состоит в поиске путей сближения государств, в первую очередь, входивших в бывший СССР, для образования нового межгосударственного объединения по типу Евросоюза. Правда, осуществление такой идеи не будет легким: Россия слаба и не оправилась от того социально-экономического кризиса, который начался с перестройки и усугубился мировыми экономическими проблемами последних лет; элиты Украины, Беларуси и Казахстана еще не преодолели период самоутверждения и болезненно воспринимают процессы сближения, хотя и испытывают в них потребность. Тем не менее, тенденция обозначилась: Россия и новые государства, образовавшиеся после распада СССР, пытаются преодолеть последствия распада и найти новые способы для сближения.

Эти процессы могут вновь подтвердить цивилизационный подход к пониманию развития государств и народов, если к новому объединению потянутся страны, бывшие советские республики, не определившиеся в союзах и реально не способные включиться в западную романо-германскую цивилизацию. Их возможная задержка или более отдаленная перспектива включения в подобный союз будут объясняться тем, что они в предыдущие исторические периоды не имели собственной национальной государственности и сегодня преодолевают трудности роста.

Идея нового объединения, которую, в первую очередь, вынашивает российское руководство, уже встречена на Западе в штыки и названа проектом создания евразийской империи, которая должна будет противостоять европейскому сообществу, укрепив разнонаправленность развития Европы и России. Эти процессы ныне находятся в открытом противоречии с глобалистскими, межнациональными тенденциями, происходящими в Европе. Европейские и общемировые процессы свидетельствуют о том, что период образования национальных государств, когда они могли развиваться отдельно, независимо и самостоятельно, без связи с соседями, исторически завершается. Эти тенденции потребуют от вновь формирующихся государств-наций сокращения исторического времени на их самоопределение и перехода к новым формам. Действительно, говоря о новых формах, следует заметить, что Евросоюз стал возможен в результате образования нескольких равноправных экономических и политических центров и согласия между ними, в первую очередь, между Фран-

цией и Германией (при внешней неактивности в первые годы образования Евросоюза Великобритании, больше ориентированной на США). К сожалению, при образовании нового Евразийского союза России со странами, ранее входившими в состав СССР, все опять может повториться по типу взаимоотношений прежнего федерального центра и зависимых республик. Если условия формирования намечаемого Союза не изменятся, то перспективы его осуществления, при всей необходимости этого процесса, вызывают большие сомнения. Думается, что в осуществлении этого нового проекта именно западнические тенденции и образцы должны брать за основу, и следует отступить, отбросить прежние славянофильские, да и евразийские позиции, которые могут стать препятствием для этого межнационального проекта.

Датой рождения евразийства принято считать 1921 г., когда в Софии вышел из печати сборник статей русских эмигрантов «Исход к Востоку», пытавшихся осмыслить все то, что произошло с Россией в первой четверти XX в. Яркими представителями евразийства были русские эмигранты, жившие на Западе (П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. С. Трубецкой, В. Н. Ильин, Н. Н. Алексеев), а также оставшийся в СССР Лев Гумилёв. Расцвет евразийства пришелся на 20–30-е гг. XX в. Однако, как организованное движение, оно прекратило свое существование во второй половине 30-х гг. из-за явного утопизма идей трансформации сталинского режима в СССР в евразийском духе, но позже, к концу XX в., возродилось в творчестве Л. Гумилёва. Евразийцы представляли собой не столько партию, сколько идеологическую когорту, масонскую ложу, группу единомышленников-государственников, члены которой считали, что чуть ли не во всем мире и, в первую очередь в России-Евразии, должен утвердиться новый тип государства, называемый ими идеократическим, правящий слой которого объединяется на основе общности мировоззрения [7].

Суть евразийства – это представления о значительной части территории бывшей Российской Империи, а позднее СССР, как о Евразии, где сложилась «особая многонародная нация», которая не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, но в формировании которой в равной мере сыграли роль как славянские, так и восточные народы. Как известно, Гумилёв, придавший евразийству 20–30-х гг. новое звучание, сформулировал концепцию этногенеза, в которой обосновал идею о роли «татарского ига» в истории Рос-

сии, вызвавшую неоднозначную реакцию. Ее основной смысл был направлен на то, чтобы отказаться от неверных представлений о роли монголов в русской истории как о поработителях и главных врагах русского народа в XII–XIV вв.

Важным обоснованием этой позиции является тот факт, что после длительного монголо-татарского ига, которое должно было похоронить все надежды на дальнейшее развитие, русские создали могучее, великое государство, которое с XIV в. шло, по выражению Гумилёва, «от победы к победе». Этого, по его мнению, было бы невозможно достичь с «растленной и иссушенной» игом душой народа, какой ее активно рисовали западники, начиная с петровских времен [4, с. 27–29]. Гумилёв пришел к выводу, что монголо-татары не были поработителями в буквальном и привычном для нас значении, и между ними и русскими княжествами, в конечном итоге, был оформлен военно-политический союз [4, с. 47] активно противостоявший военно-политическому давлению Запада и ставший основой для будущего Российского государства. Созданные бывшими завоевателями государственные образования – Золотая (на Волге), Синяя (в Тюмени) и Белая (на Иртыше) Орды [4, с. 49], не только ослабили первыми, но и послужили субстратом для формирования российского многонационального государства. Именно на этой почве сформировалась и ведущая российская нация – русский народ, сочетающий в себе славянские и азиатские корни.

То, что монголы не были типичными завоевателями, свидетельствует целый ряд фактов: например, монголо-татарские полчища не остались на территории самих русских княжеств, Золотая Орда, хотя и включала в себя на первых порах русский улус, находилась по соседству с ним, в нижнем течении Волги; русские княжеские рода продолжали править на своих территориях, и монголы не посадили на княжеские престолы людей своего этноса. Отдельные русские князья пытались активно преодолеть наследие феодальной раздробленности и для целей объединения земель вокруг своего княжества использовали бывших завоевателей, привлекая их как дополнительную силу против других князей и добиваясь с их помощью укрепления и сосредоточения своей власти. Так определились центры силы, одним из которых стала Москва, а не Новгород или Тверь. Орда не претендовала на коренное изменение уклада русских княжеств, не произошло ко-

ренной ломки основ русской культуры и, главное, религии, что непременно сделали бы западные завоеватели, которые бы не остались равнодушными к этим вопросам, как это показательно произошло во время крестовых походов западных рыцарей на Восток, да и в западных районах нынешних Украины и Беларуси. Завоеватели сами активно ассимилировались с коренным русским населением, принимая культуру покоренного народа. У последующих поколений русских людей не осталось открытого и явно враждебного отношения к монголам и наследникам Золотой Орды – татарам, башкирам и т. д. – все это лишний раз говорило о специфичности так называемого монголо-татарского ига и стало прочной базой в идейных позициях евразийцев.

Гумилёв, по сути, не признает такое объединение, как славяне, способное, казалось бы, быть противопоставленным романо-германскому суперэтносу. И делает это намеренно, чтобы не относить к русскому суперэтносу поляков и чехов, которые исторически формировались в большей степени в рамках западного суперэтноса, оставаясь при этом славянами. В новых условиях постсоветской истории к западному суперэтносу теперь следует, на наш взгляд, относить и западных украинцев, в отличие от восточных, тяготеющих к России. Дело в том, что эти западные славяне исторически очень долго находились под влиянием романо-германского мира и лишь на относительно недолгий исторический период, не по их желанию, оказались в сталинский период в границах советского государства, которое произвело на них сильное отрицательное впечатление, память о котором ныне создает языковые и культурные барьеры, в частности, в новой Украине.

Особая позиция сформировалась у евразийцев в отношении марксистской революционной идеологии, утвердившейся при большевиках в России. Они считали, что она стала возможной вследствие равнодушия широких масс к целям построения демократического здания в европейском стиле и результатом господства российского политического «примитива», который ранее содержался в идеологии казачества, в идеологии Ивана Пересветова (по определению евразийца Н. Алексеева, эта идеология неслучайно была элементом раннего восточного фашизма, ставшие идеологической базой для опричнины-диктатуры Ивана Грозного. – С. П.), «в идеологии сектантского земного рая, построенного на началах рационалистических» [2, с. 114–115].

Евразийцы, безусловно, исторически наивно, допускали совмещение элементов советской тоталитарной политической системы с образом свободной России, о которой мечтали. Например, они считали, что Советы должны быть сохранены в будущем, но без авторитарной власти коммунистов, при демократии. Они говорили о Советах как о реальных коллективных организациях, в первую очередь противопоставляя их западной партийной системе. Но они не хотели учитывать, что партийная система в России начала складываться еще в начале XX в., в условиях царского режима, оборванная затем Октябрьским переворотом и разгоном большевиками Учредительного собрания. И почти двадцать лет назад, когда мы отказались не только от прежнего строя, но и от системы Советов как коллективных органов власти, страна вновь вернулась к партийной системе, хотя бы потому, что Советы вполне могли совмещаться с диктатурой, в то время как многопартийная система этого в принципе делать не может. Парадокс, однако, заключается в том, что западная партийная система, недостатки которой видели евразийцы, не может до сих пор у нас утвердиться, ибо не становится местом реального состязания, а лишь формой, приспособленной для коллективного решения либо личных задач, либо узкой элитарной группы. Партийная система у нас утвердилась формально, по внешним признакам, а не по существу организации партийной работы и остается, как и прежде, лишь оболочкой, формой для индивидуального протезирования и решения личных задач. Чиновники, даже высокого уровня, в полном соответствии с элитаристской концепцией избирательного права, по сути, используют выборы и участие в них народа лишь как форму для самовольных решений, чтобы сделать их юридически законными.

Русская национальная идея и сегодня отражает все черты противоречивости и разорванности по направлениям и сегментам, что является отражением соответствующего состояния российской культуры. Оформление евразийства в XX в. только усилило эту противоречивость русской культуры и мысли. В итоге не удалось главного – совместить инновацию с традицией, преодолеть внутреннюю культурную расколотость, то, что заметно отличает современное западное развитие от российского пути. Однако эта черта теперь еще больше усиливается после оформления новых славянских государств – Беларуси и Украины. Все

противоречия современной России и новых славянских государств – в рамках проблем, обозначенных еще 200 лет назад между западничеством и славянофильством. Но объективное развитие «Русской идеи» говорит о том, что она (неважно, в применении к России, Украине или Беларуси) не сможет пониматься только как один вариант развития, а должна отражать несколько значимых направлений, даже с учетом особенностей формирования русской нации и национальных формирований в западной Украине и западной Беларуси, которые избежали восточного воздействия, но оказались под сильным западным влиянием. Поэтому в развитии государства и его роли, форм демократии и прав человека, видимо, надо стремиться к устоявшимся и показавшим хорошие примеры западным формам, но не следует забывать и славянофильские корни, находить возможные варианты развития этого направления, не допуская национальной замкнутости. Надо идти по пути евразийского союза, но брать за основы нового формирования не полуфеодалные формы прежних объединений, а развитые формы Запада и, как пример, Европейский союз. Может быть, когда-нибудь эти тенденции и создадут условия для совпадения наших интересов с западными, при сохранении особой истории и более тесных, чем у европейских народов, связей русского народа с Востоком.

Литература

1. Алексеев Н. Русское западничество // Русский народ и государство / Н. Алексеев. – М. : Аграф, 2003.
2. Алексеев Н. Русский народ и государство // Русский народ и государство Н. Алексеев. – М. : Аграф, 2003.
3. Айзатулин Т. А. Идеологическое влияние европоцентризма» / Т. А. Айзатулин, С. Г. Кара-Мурза, И. А. Тугаринов // Социол. исслед. – 1995. – № 4. – С. 29.
4. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев ; предисл. С. Б. Лаврова. – М. : Экспрос, 1993.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому / предисл. Н. Н. Страхова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Глаголь, 1995.
6. Песков А. М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии / А. М. Песков. – М. : ОГИ, 2007.
7. Трубецкой Н. С. Идеократия и армия [Электронный ресурс]. – URL: <http://gumilevica.kulichki.ru/TNS/tns15.htm>.
8. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Соч. / П. Я. Чаадаев. – М., 1989.
9. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Соч. / П. Я. Чаадаев. – М., 1989.
10. Черепанова Р. С. Петр Чаадаев мифический и реальный // Обществ. науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 102-109.